

г) этимонами 36 препонентов (более 75%) служат полисемичные латинские слова. Разнообразие семантических процессов определяется использованием ТЭ латинского происхождения основного, неосновного, нескольких значений их этимонов и приобретением ими (т.е. ТЭ) значений, не свойственных их этимонам;

д) моносемичные латинские слова, являющимися этимонами шести препонентов, в пяти случаях передали им свое значение без каких-либо семантических сдвигов.

Таким образом, в результате векторно-семантического анализа, нацеленного на дальние этимологии и направленного на установление дистантных межъязыковых связей в языках реально существующих, но действующих в разных временных и пространственных плоскостях, т.е. не совпадающих темпорально и локально, выявлено, что препоненты современных лингвистических терминов на *-оним* гетерогенной структуры могут реализовать единственное значение своего моносемичного этимона, а также основное, неосновное или несколько значений полисемичного этимона: при этом наблюдается прямое взаимодействие (без существенных семантических сдвигов), взаимодействие осложненное, сопровождаемое кардинальным расширением семантического объема или его существенным уточнением и конкретизацией. В некоторых случаях между препонентом языка-реципиента и латинским этимоном выявляются очень слабые семантические связи, свидетельствующие о различного рода процессах семантического обновления, базирующихся на закреплении в современном препоненте значения, которого не было и не могло быть в языке-источнике, а также на авторском, зачастую произвольном, восприятии при терминологизации семантики этимона. Обнаружены этимоны, являющиеся в языке-источнике именами собственными (астронимом, образованными от теонимов, или теонимом). Но в целом преобладают термины (около 70 %), препоненты которых взаимодействуют со своими этимонами без семантических наращений.

Результаты исследования позволяют установить зависимость между этимологией терминологического элемента и возможностью (пределами) его семантического и морфонологического варьирования, что целесообразно учитывать при создании/корректировке терминосистемы.

Литература

1. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. — 1953. — № 5. — с. 3-29.
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50000 слов. 3-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1986. — 840 с.
3. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. — К.: Изд. объединенного университета "Вища школа" при КГУ, 1974. — 178 с.
4. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. — М.: Наука, 1989. — 248 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2006 г.

□

УДК 811.161.2'22/'23:159.964

Т. Ю. Ковалевская

ЛИНГВОФИЛОСОФИЯ НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Антропоцентризм современной научной парадигмы предусматривает актуальность комплексного подхода к изучению языковой личности во всем многообразии её психоструктурных, нейрофизиологических и собственно лингвисти-

ческих характеристик, эксплицированных в полижанровых коммуникативных моделях. Особого внимания в этом аспекте заслуживает новейшая область нейролингвистического программирования (НЛП), стратегии которого направлены в первую очередь на гармонизацию коммуникативных процессов и основываются на глубинном исследовании субъективных рефлексий, анализе и идентификации составляющих внутреннего опыта, а также на конструировании позитивных поведенческих моделей, что, в свою очередь, может экстраполироваться и на процессы массовой коммуникации. С другой стороны, методики и техники НЛП широко используются в области психокоррекции и суггестии, поскольку располагают систематикой лингвистических маркеров, использование которых в речи воздействует определенным образом на сознание (чаще – на подсознание) аудитории, что подчеркивает актуальность и необходимость дальнейшего изучения соответствующих феноменов и определяет тему нашей статьи, в которой коротко будут рассмотрены основополагающие лингвофилософские постулаты НЛП, способствующие углубленному пониманию концептуального субстрата этой науки. Заметим, что НЛП, эффективность которого признана многими научными школами, в Украине только начинает привлекать внимание исследователей и развиваться (см. лишь работы Н. Непийводы, Г. Почепцова), что также обуславливает обращение к данной актуальной проблематике.

Лингвистическую основу НЛП составляют адаптированные положения трансформационной грамматики и порождающей семантики, сконцентрированные в семантической и частично – в формальной плоскости высказывания, а также теоретические положения лингвофилософии, психолингвистики, когнитологии, раскрывающие актуальные для этой области коррелятивные отношения между феноменом языка и сознанием и обобщенные в т.н. постулатах НЛП – априорных гипотезах, формирующих его эпистемиологическую основу и обнаруживающих глубинную преемственность философского осмысления указанных феноменов.

Первый постулат является базисным концептом НЛП – “карта не территория”. Это утверждение принадлежит известному ученому А. Коржибскому, и большинство ученых указывает на природную связь этого тезиса с другими общефилософскими, феноменологическими и когнитивистскими положениями. Так, В.В. Петров утверждает, что “ноэзматический способ репрезентации реальности, предложенный Гуссерлем еще в начале столетия, во многом предупредил ключевую концепцию когнитивной науки – идею ментальной репрезентации. Внедрение этой концепции, несмотря на значительный временной интервал, обусловлено осознанием того же самого факта – в процессе теоретической и практической деятельности люди имеют дело не непосредственно с миром, а с репрезентациями мира, когнитивными картами и моделями” [11, с. 104]. Культурологическая интерпретация психосоматических проблем приводит П.Д. Тищенко к мысли о том, что “реальность будто бы распадается на относительно независимые пространственные формы, которые принципиально не могут быть поданы как части одного реального пространства. Возникает возможность говорить об относительно независимых типах объективации тех же реальностей. Поскольку из множества возможностей выбирается лишь одна, то уместно назвать этот выбор термином редукции” [16, с. 411]. Таким образом, первичными фильтрами получаемой информации выступают репрезентативные системы, генная специфика которых уже детерминирует определенные отличия между поступающей информацией и объективной реальностью. Полученная информация подвергается дальнейшей коррекции в соответствии с селективными установками и ценностями, продуцирующими одновременную актуализацию одних сегментов этой информации и редукцию других, поскольку, по мнению О.Г. Почепцова, “отображению подвергается не мир в целом, а только... те его составляющие, которые кажутся говорящему самыми важными, са-

мыми релевантными, наиболее полно характеризующими мир” [12, с. 111]. Именно так каждый из нас конструирует свою личную модель мира, природа которой имеет субъективный характер и зависит от акцентуации смысловых зон пересечения между полученной через фильтры восприятия информацией и взаимосвязями, существующими между этой информацией и нашими личными переживаниями. В. Корниенко считает, что “в основе выработки индивидуального мировоззрения любого человека лежит его первичная интуиция, его устремления, типологические и характерологические черты индивидуальности, акцентуация характера, объем знаний, подсознание, уровень интеллекта и др.” [3, с. 203]. Этот феномен рассматривают и в философии, отмечая, что “коммуникативный момент в акте осмысления предусматривает светскость сознания — такую его определяемость миром, которая возникает не из независимого и самосодержательного источника, а из такого, которое будучи прошлым как предваряющая понимание фактичность, в то же время есть будущим как трансценденция в экзистенциальной коммуникации” [7, с. 106]. Именно эта сконструированная нами аппроксимальная модель реальности и определяет ее общую интерпретацию, с которой связаны приоритеты нашего бытия, актуальное поведение и пр. Существует и обратная связь между нашими предпочтениями и фильтрами восприятия: отбирая из общего континуума только ту информацию, которая отвечает нашим внутренним установкам, мы одновременно формируем качественную специфику собственных репрезентативных систем, закрепляя в их структуре инвариантные модели фиксации информационных блоков. Итак, субъективный образ мира отличается от образа мира другого человека, поскольку, ни одна из этих карт не отображает объективную реальность, являясь лишь ее субъективными интерпретациями. Это положение имеет универсальный характер и дает основание утверждать, что а) каждый человек существует не в реальном мире, а в мире своей субъективной, второй реальности; б) одну и ту же ситуацию люди интерпретируют по-разному в зависимости от когнитивно-аксиологических приоритетов своего внутреннего мира; в) эффективность поведения человека зависит от богатства смысловой амплитуды его карты — чем внимательнее он относится к другим (ср. понятие Другого у П. Рикера), чем больше стремится понять мысли других, тем глубже его представления о мире и тем больше выборов поведения в нем он имеет. Тезис о несоответствии субъективной карты и ее объективной территории можно соотнести с понятием когнитивного плюрализма, характерного для гармонической индивидуальности, а также с принципом ценностного плюрализма, суть которого, по представлениям В. Корниенко, “определяется моральным способом мышления, то есть умением подчинить собственные интересы, противоречащие интересам других людей, принципу, принятому для руководства поведением в определенных обстоятельствах” [3, с. 203].

Второй базовый постулат, сформулированный Р. Дилтсом: “Жизнь и разум — системные процессы” [1, с. 112]. В этом аспекте еще А.Р. Лурия отмечал, что “любая психическая деятельность человека — это сложная функциональная система, реализацию которой обеспечивает целый комплекс взаимодействующих аппаратов мозга” [6, с. 80]. Утверждение ученого коррелирует и с основным принципом теории систем (см. работы А. Моля, К. Шеннона и др.), в соответствии с которым человек как некоторая система принадлежит к более общей природной системе, что доказывает невозможность изоляции одной части целого от других его составляющих и определяет комплексный характер взаимовлияния иерархически организованных уровней, охватывая все сферы природного и человеческого существования (ср. понятие системности в языке). Указывая на взаимосвязь когнитивной динамики и процессов самопознания личности с объективной средой, П. Тищенко подчеркивает, что “разум удостоверяет свою реальность только в отношении объективности, в своей направленности на объект, в своем постоянном соединении с не-разумом” [16, с. 411], пос-

кольку, по М.К.Мамардашвили, “все элементы и качества знания пронизаны системными связями действительности” [9, с. 77]. Эти утверждения проиллюстрированы в НЛП тезисом о том, что “наши тела, наши общества и наша вселенная формируют экологию из сложных систем и подсистем, постоянно взаимодействующих и взаимовлияющих” [2, с. 113], что указывает на зависимость поведения человека от разнообразных факторов – субъективных, формирующих его мировоззренческие позиции, и объективных, контекстобразующих, которые также требуют определенной поведенческой компетенции человека, и потому “очень важно учитывать не только процессы, происходящие внутри человека, но и то влияние, которое оказывает на него окружающая система” [1, с. 29]. Для этого базового постулата актуален “закон необходимого разнообразия”, в соответствии с которым необходимо постоянно варьировать действия и процессы, направленные на достижение результата. Этот принцип имеет важное значение для общей цели НЛП – моделирования эффективного поведения, предусматривая необходимость его динамичной коррекции в зависимости от объективных условий, “поскольку то окружение и среда, в которых мы существуем, изменяются, то то же самое действие не всегда будет способствовать достижению того же результата” [2, с. 113]. В таком случае «для успешной адаптации выживания элемент системы должен иметь определенный минимальный запас гибкости, и эта гибкость должна быть пропорциональной потенциальной вариабельности или неопределенности остальных частей системы» [1, с. 27]. Поэтому «знания, полученные в процессе изучения объекта, функционирующего в некоторой ситуации..., могут противоречить знаниям о том же объекте, полученным в другой интервальной ситуации» [4, с. 34], что устанавливает коррелятивную взаимозависимость между интеллектуальным потенциалом человека и его способностью к мыслительной вариабельности в динамике природных и социальных условий. С.Л. Рубинштейн отмечал, что личностная специфика представляет собой «не только то или иное состояние, а и процесс, во время которого внутренние условия изменяются, а в соответствии с ними изменяются и возможности влияния на индивидуума изменением внешних условий» [15, с. 99]. Этим акцентируется процессуальный характер взаимодействия личностных и познавательных компонентов мышления, каждый из которых проявляется в единстве постоянного и изменяющегося, прерывного и непрерывного, определяя, в свою очередь, необходимость изучения как мотивационного (личностного), так и операционального пластов мыслительной активности во взаимосвязи с процессами анализа, синтеза, обобщения, абстрагирования познаваемого объекта и с учетом гибкости, природной динамичности психических процессов. Отметим, что категорию гибкости-пластичности ведущие нейрофизиологи считают модификационной определяющей мозговых состояний. К. Прибрам, изучая потенциал памяти и функции энграмм, писал: «Пластичность нейрона многообразна, и память представляет собой единый процесс. Воображение, узнавание, припоминание предусматривают использование некоторых или всех основных форм пластичности нервной ткани и разнообразных способов сбережения и воспроизведения следа» [13, с. 56]. В НЛП категориальным признаком пластичности считается потенциальная возможность изменения, приспособления, адаптации, развития в конкретных условиях, заданных внешними и внутренними обстоятельствами. М.К. Мамардашвили, углубляя эстетику пластичности и сравнивая ее с обобщенным феноменом глубинной духовной активности, утверждал, что «возможность способна реализоваться только мною при условии моей собственной работы и духовного усилия своего освобождения и развития... Но только так душа может принять и прорасти «высшее» семя, подняться над собой и обстоятельствами, в результате чего и все, что происходит вокруг, проявляется не необращаемым, не окончательным, не заданным целиком и полностью. По-другому говоря, не безнадежным» [8, с. 110].

Следующий базовый постулат — «сознание и тело — части единой кибернетической системы» — представляет собой детализацию предыдущего, в котором феномен личности вводился в континуальную систематику универсального бытия. Данный же постулат иллюстрирует интернальную ориентированность комплекса собственно индивидуума как единства физиологии и когнитивно-эмоциональных сетей, что подтверждают и исследования ученых-медиков, утверждающих, что «наш организм — чрезвычайно сложная энергоинформационная система, в которой отражены явные и скрытые психосоматические процессы. Наш мозг как уникальный преобразователь сигналов внешнего мира непрерывно влияет на изменения в центральной нервной системе» [5, с. 246]. Комплексный характер мозговой деятельности в формировании адаптивного поведения, таким образом, обуславливает нераздельную связь речевого и неречевого поведения как результата фундаментальных принципов нейропсихофизиологической организации личности, определяемых информационными и материальными механизмами. Анализ постулируемого тезиса дает возможность сделать следующие выводы: а) в теории НЛП утверждается природное единство духовной и материальной субстанции личности; б) акцентирована взаимообусловленность внешнего и внутреннего поведения, определяющая актуальность невербальных реакций человека, представленных многоаспектной амплитудой (мимические реакции, паравербальные комплексы, проксемические характеристики, гаптика и др.). Отметим, что в философских работах, посвященных феномену экзистенциального проявления личности, много внимания уделено осмыслению ее телесной сущности. Так, в гипотезе двойной атрибуции П. Рикера, в соответствии с которой «базовыми особенностями есть тела, поскольку они отвечают в первичном качестве критериям локализации в единую пространственно-временную схему» [14, с. 44], подчеркнута двойная структура собственного тела. В таком понимании интегрирована смешанная структура Я-субъекта: «Как тело среди тел оно представляет собой фрагмент опыта мира; как мое, оно разделяет статус “Я”, осознанного как точка отношения границы мира; другими словами, тело есть одновременно мировым фактом и органом субъекта, который не принадлежит к объектам» [14, с. 70]. Данная гипотеза перекликается с утверждениями П. Тищенко, в соответствии с которыми «социализация телесных функций человека происходит как двумерный процесс, в котором развитие природных потенций осуществляется в форме общественно детерминированных действий. Человек лишь оттого овладевает внешней природой, что она одновременно овладевает, вводит в культуру свое тело как универсальный инструмент и символическую форму» [16, с. 411]. Осознание глубинной коммуникативной сущности телесного существования человека приводит известного французского мыслителя М. Мерло-Понти к выводу о том, что «первым культурным объектом, благодаря которому существуют все остальные, есть тело другого как носитель его поведения» [10, с. 403-404].

Обобщает базовые постулаты НЛП тезис о «Вселенной как дружественной среде, богатой на ресурсы», где Вселенную соотносят с частью окружающего мира, с которым мы взаимодействуем (физически, информационно) или потенциально можем взаимодействовать. Дружественность этой вселенной в НЛП объясняют тем, что развитие человечества в исторической перспективе обусловлено процессами интегрирования Человека в Природу. Почти всегда, когда человек пытался идти против естественного развития, хотел покорить Природу, он терпел поражение. Только доверительное, позитивное восприятие Природы, Вселенной открывает человечеству величайшие возможности для его развития.

Итак, рассмотренные основополагающие постулаты НЛП (отметим, что мы сосредоточились на наиболее значительных концептуальных позициях) как кре-

ативной научной парадигмы иллюстрируют научную корректность и достоверность, теоретическую глубину и преемственность этого направления, что обеспечивает комплексное осознание психофизиологических и психолингвистических закономерностей индивидуально-коллективного восприятия реальности, пребывающего в естественном единстве с философскими константами человеческого бытия-существования, которое, в свою очередь, есть результатом сложного взаимодействия итернальных и экстернальных факторов, сконцентрированных в плоскости коммуникативных интеракций и реализованных на уровнях вербального и аналогового (акциального) поведения. Именно такие научные стратегии, объединяющие философскую, психологическую, физиологическую, лингвистическую глубину осознания феноменов Человека и Мира в разнообразнейшей амплитуде их репрезентаций, обеспечивают экологичность научных изысканий, влияющих на возможность моделирования общих принципов гармонического взаимодействия как главных целей современного гуманитарного знания.

Литература

1. Дилтс Р. Моделирование с помощью НЛП. — СПб.: Питер, 2000. — 320 с.
2. Дилтс Р. Некоторые психологические аспекты теории относительности // Dokument HTML.- <http://www.nlp2000.cjb.net/>.
3. Корнієнко В. Політичний ідеал як проблема вибору // Електронний журнал «Людина і політика». — № 2(14). — 2001. Dokument HTML. — <http://www.icaei.org.ua/lip/>.
4. Лазарев Ф.В., Вилесов Ю.Ф. Гносеологические функции процедуры сопоставления свойств объектов // Ученые записки ТНУ, 1999. — № 12. — С. 48-57.
5. Лунный В. Самодиагностика телесных ощущений // Психология и бизнес On Line, 2000. Dokument HTML. — <http://www.psychology.ru/magazine/index>.
6. Лурия А.Р. Язык и сознание. — Ростов-на-Дону, 1998.
7. Людина в сфері гуманітарного пізнання. — К.: Український Центр духовної культури, 1998. — 408 с.
8. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. — М.: Изд. группа "Прогресс" — "Культура", 1992. — 320 с.
9. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. — М.: Наука, 1968. — 190 с.
10. Мерло-Понті М. Феноменологія сприйняття. — К.: Укр. Центр духовної культури, 2001. — 552 с.
11. Петров В.В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 102-109.
12. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: Способ представления мира // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 110-122.
13. Прибрам К. Язык и мозг. — М.: Прогресс, 1975. — 463 с.
14. Рікер П. Сам як інший. — К.: Дух і Літера, 2000. — 458 с.
15. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 198 с.
16. Тищенко П.Д. Психосоматическая проблема (объективный метод и культурологическая интерпретация) // Интернет-журнал "Ломоносов". Dokument HTML. — <http://www.list.ru>.

Статья поступила в редакцию 24.03.2006 г.

□

УДК 811.111.'373.611

С. П. Котвицкая

ПРОБЛЕМА ПРОДУКТИВНОСТИ В ТЕОРИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Проблема обогащения лексики современного английского языка новообразованиями неоднократно становилась предметом исследований (Ю.А. Жлуктенко, Ю.А. Зацный, П.М. Карапух, О.Д. Мешков, В.Г. Гак, И.В. Андрусак, А.В. Янков,